

*Л. А. Бобров (Новосибирск),
Ю. И. Ожередов (Томск)*

УНИКАЛЬНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНОАЗИАТСКИЙ ДОСПЕХ ИЗ СОБРАНИЯ БЫВШЕГО МУЗЕЯ АЛТАЙСКОГО ГОРНОГО ОКРУГА¹

ИСТОРИЧЕСКИЙ ПЕРИОД, охватывающий XVII — первую половину XVIII в., сыграл важную роль в истории народов Евразии. Однако если для европейцев главными его событиями стали Тридцатилетняя война, Английская революция, Англо-голландские войны, Тринадцатилетняя Русско-польская война на Украине, военные конфликты европейских держав с Османской империей, Великая Северная война, Война за испанское наследство и др., то для внутренней Евразии данный период справедливо именуется эпохой Малого монгольского (ойратского) нашествия. В XVII — первой половине XVIII в. ареал военной активности ойратов (калмыков, «чакарцев», джунгар, хошутов Кукунорской равнины) включал в себя огромные пространства внутренней Евразии: от нынешней Украины на западе, до Тибета и Монголии на востоке, от русских сибирских острогов на севере, до присырдарьинских городов на юге. Ойратские завоевания оказали значительное влияние на исторические судьбы народов России, Казахстана, Монголии, Китая и других стран. Неудивительно, что военно-культурное наследие ойратов привлекает к себе пристальное внимание оружейников и историков многих государств мира.

Становление и развитие позднесредневекового ойратского военного искусства проходили на фоне «пороховой революции», коренным образом изменившей ход развития военного дела населения Евразийского континента. Специфика данного исторического периода для Центральной Азии заключалась в весьма

ярком и необычном сочетании традиционных и инновационных видов вооружения и тактических приемов ведения боя. Так, например, в ходе сражения легкие степные лучники могли прикрывать позиции спешившихся стрелков, вооруженных огнестрельным оружием, а конные панцирные копейщики-«куяшники» атаковали позиции врага под залпы артиллерийских орудий, перевозившихся на верблюдах².

Оригинальный облик ойратского вооружения был обусловлен и особенностями развития духовной и военной культуры народов Центральной Азии рассматриваемого периода. Начальный этап завоеваний совпал по времени с распространением среди ойратов буддийского учения (в его ламаистской форме). Ламаизм пришел не только в нарративную религиозную область культуры, но и упрочился в декоративно-прикладном искусстве монголоязычных кочевников, обильно украсив оружие и доспехи священной буддийской символикой³.

Одним из важных направлений современных археологических, оружейно-исторических и военно-исторических исследований является введение в научный оборот и всестороннее изучение подлинных образцов ойратского вооружения, хранящихся в музейных и частных собраниях России, стран ближнего и дальнего зарубежья. Выявление и введение в научный оборот не известных широкому кругу специалистов и любителей военной истории образцов вооружения позволяет прояснить и детализировать многие вопросы, связанные с особенностями эволюции военного дела кочевников XVI—XIX вв.

В фондах Музея археологии и этнографии Сибири им. В. М. Флоринского Томского государственного университета (МАЭС ТГУ) хранится оригинально оформленный доспех (колл. № 5229), представляющий значительный интерес для отечественных и зарубежных специалистов. Сведения о данном образце защитного вооружения были впервые опубликованы в 2010 г.⁴ В 2019—2020 гг. изучение доспеха было продолжено. В результате проведенного комплексного исследования, установлены обстоятельства поступления пластинчато-нашивного панциря в собрание МАЭС ТГУ, выявлены особенности его конструкции и системы декоративного оформления (в том числе изучены текстиль, определены минералы, украсившие декоративные детали и химический состав металлических элементов кюяка⁵), установлена природа происхождения бурых пятен на ткани

(кровь человека), уточнена датировка и атрибуция, реконструированы варианты первоначального внешнего вида рассматриваемого образца защитного вооружения. Данные вопросы подробно освещены в рамках специальной монографии⁶. В настоящей работе приведем основные выводы научного исследования.

На основании изучения служебной документации XIX — начала XX вв. установлено, что первым местом музейного хранения куяка являлся Музей Алтайского горного округа (г. Барнаул), в фонды которого на протяжении нескольких десятилетий XIX в. поступали предметы материальной культуры народов Центральной Азии и Южной Сибири. Интересующий нас доспех был передан в музей в 1829—1831 гг. и первоначально атрибутирован как «кожаное монгольское платье с железными бляхами, изображающими молитву “от ми бад мехом”». В 1907 г. украшенный буддийской символикой панцирный «халат» был доставлен прозектором Г. Э. Иоганзенем из Барнаула в Археологический музей Императорского Томского университета (ныне — МАЭС ТГУ).

Анализ конструкции «томского» панциря позволил отнести рассматриваемый образец зашитого вооружения к доспехам с пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаной) структурой бронирования. Панцирь скроен в виде распашного безрукавного халата со сплошным осевым разрезом, двухчастным подолом и невысоким стоячим воротником (ил. 1.1, 1.2). Дополнительные защитные элементы представлены отдельно крепящимися С-образными «подмышечниками». Общий вес защитного комплекта составляет 10 кг.

Органическая основа доспеха сшита из четырех слоев стеганого шерстяного полотна. Два внутренних слоя грубой ткани светло-желтого цвета с лицевой стороны дополняет более тонкая и мягкая ярко-желтая «покрышка». В качестве подкладки использована ткань зеленого цвета, одновременно послужившая для декоративной окантовки краев халата. Ею украшены обе лопасти подола, контур крестцового выреза, проймы рукавов и ворот (ил. 1.1). Технологический анализ образцов текстиля органической основы показал, что при изготовлении внутренних слоев, «покрышки» и подкладки были использованы три сорта шерстяной ткани высокого качества, различающейся технологическими характеристиками. Однако при существующих отличиях все варианты полотна изготовлены в одном производственном центре⁷.



Ил. 1.1. Пластинчато-нашивной панцирь — «halat» № 5229 из собрания МАЭС ТГУ (распахнут). Внешняя сторона. Фото Ю. И. Ожередова



Ил. 1.2. Пластинчато-нашивной панцирь — «halat» № 5229 из собрания МАЭС ТГУ (распахнут). Внутренняя сторона. Фото Ю. И. Ожередова

Броневое покрытие доспеха представлено железными пластинами, приклепанными с внутренней стороны органической основы «халата» и наплечными «погончиками» поверх нее (ил. 1.2). Несколько панцирных пластин при эксплуатации были утрачены, поэтому в составе панцирного комплекса сейчас насчитывается 216 образцов. Однако согласно проведенным расчетам, первоначальное их число превышало 220 единиц различных форм и размеров (ил. 2.1, 2.2).

Все пластины по материалу изготовления относятся к классу железных, по способу соединения с органической основой — к отделу пластинчато-нашивных (пластинчато-клепаных). Пластины имеют различную конструкцию и размеры, соответствующие их функции и местоположению в составе панциря.

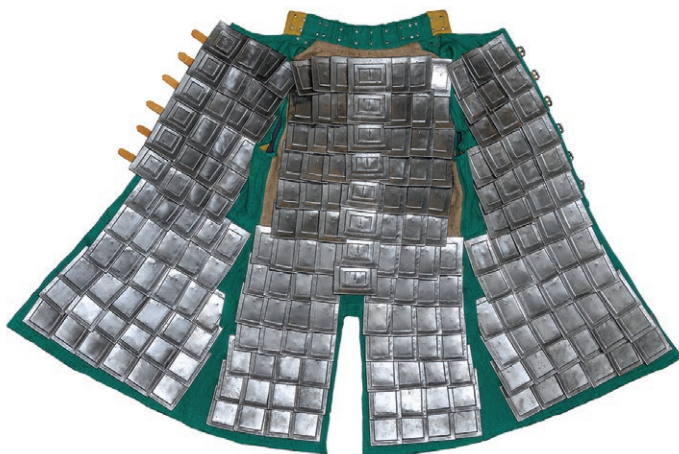
По результатам рентгеноспектрального анализа, установлено, что пластины куяка изготовлены из сплава железа, представляющего собой низкоуглеродистую сталь. Содержание железа — 84,2 %, углерода — 0,13 %, кислорода — 11,2 %⁸. Подобные пластины сочетали в себе достаточно высокую прочность с ковкостью и пластичностью, что значительно облегчало их механическую обработку.

Первоначально доспех был бронирован преимущественно рельефными пластинами прямоугольной и трапециевидной формы. Последние формировали проймы рукавов и горловой вырез. Рельефная поверхность (бортики, ярусы, ребра) придавали пластинам дополнительную жесткость и противодействовали их деформации при ударе. В ходе эксплуатации доспеха часть поврежденных рельефных пластин была заменена на более простые аналоги с гладкой поверхностью (ил. 1.2). Представляется возможным выделить две группы, четыре типа пластин и ряд вариантов, различающихся между собой характерными элементами конструкции, оформления поверхности пластины, материалом, формой заклепок и заклепок-накладок.

В подавляющем большинстве случаев пластины корпусной части и подола крепятся к полотну «халата» с помощью железных заклепок-штифтов, зажимающих ткань между пластиной с внутренней и металлической накладкой с лицевой стороны доспеха. Первоначально все пластины куяка (за исключением пластин воротника) были снабжены фигурными вырезными накладками двух основных типов. При этом обе разновидности накладок, как и желто-зеленое цветовое решение матерчатого



Ил. 2.1. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в. Внешняя сторона. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко



Ил. 2.2. Предметная научно-историческая реконструкция ойратского пластинчато-нашивного панциря-«халата» XVII — середины XVIII в. Внутренняя сторона. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

«халата», имеют непосредственное отношение к буддийской символике.

Основная часть пластин была украшена металлическими накладками А-образной формы (ил. 1.1). Накладки, расположенные вдоль нижнего края подола, были изготовлены из латуни (сплав меди с цинком), а остальные — из железа, покрытого толстым слоем серебра (на отдельных образцах удельный вес серебра превосходит удельный вес железной основы накладки и составляет 59,19—67,94 %). Указанный А-образный символ атрибутирован как выполненная письмом *ланьча* графема *та*, использующаяся при написании различных буддийских мантр. Изображения санскритских знаков *та*, *от* и др. неоднократно встречаются на предметах защитного вооружения ойратского и монгольского производства XVII — середины XVIII в. (шлемах, панцирях и т. д.), хранящихся в российских и иностранных музейных и частных собраниях.

Большие горизонтально расположенные «хребтовые» пластины, усиленные вертикальным ребром жесткости, снабжены накладками в виде орнаментированной посеребренной «пламенеющей» плакетки, в центре которой находится миндалевидное «гнездо» с массивным выпуклым бортиком из специального сплава на основе меди (48,40—86,28 %) с добавлением серебра (1,15—25,54 %), и большого количества цинка (11,54—30,66 %). Благодаря подобному сочетанию химических элементов, создается впечатление, что «гнезда» имеют позолоченную поверхность. В «гнезда» стальных плакеток были вставлены тщательного выделанные кабошоны из поделочных камней красного, синего и зеленого цвета (ил. 1.1). Первые два определены как кораллы и лазурит соответственно. Количественный спектральный анализ также показал, что в некоторых ныне пустых «гнездах» находились вставки из бирюзы зеленого цвета⁹. Украшения «хребтовых» пластин доспеха атрибутированы как символическое изображение «драгоценной жемчужины» *Чинтамани* (санскр. *cintāmani*, тиб. *yid bzhin nor bu*) — драгоценности, исполняющей желания.

Изучение доспеха из МАЭС ТГУ позволило реконструировать варианты его первоначального внешнего вида (ил. 2.1, 2.2)¹⁰. При росте воина в 165—175 см панцирь покрывал практически весь его корпус (грудь, живот, бока, спину, ключицы), а также защищал шею, бедра и отчасти колени (ил. 3). Необходимо отметить продуманность конструкции доспеха, предусматривавшую максимально возможную гибкость при сохранении



Ил. 3. Предметная научно-историческая реконструкция комплекса вооружения знатного ойратского воина XVII — середины XVIII в. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

мощного броневое покрытие. Дополнительную прочность последнему придавала ребристая поверхность пластин, а также тот факт, что они примерно на $\frac{1}{4}$ перекрывали друг друга, образуя двойной, а в некоторых местах даже тройной слой брони (ил. 1.1, 2.2).

Крепление каждой пластины на четыре штифта и накладка несколько снижали эластичность доспеха по сравнению с его аналогами, в которых пластины крепились с помощью пары обычных заклепок с полусферическими шляпками. Тем не менее, доспех сохранил высокую степень гибкости. Как показали экспериментальные испытания, даже неподготовленный человек может носить панцирный «халат» не снимая в течение нескольких часов, не испытывая особого дискомфорта. При нахождении в седле вес доспеха в значительной степени перераспределяется, повышая комфортность его эксплуатации

(ил. 4). Воин в подобном кюяке может совершать самые сложные движения, в том числе свободно садиться и сходить с коня, стрелять из лука, ружья (в том числе из положения лежа и с колена), колоть копьем, рубить длинноклинковым оружием и т. д.¹¹

В ходе выполнения предметной реконструкции доспеха было установлено, что крепление пластин к органической основе производилось снизу вверх (то есть первым приклепывался нижний



Ил. 4. Комплекс вооружения знатного ойратского (джунгарского) воина второй половины XVII — середины XVIII в. на коне с пикой и ружьем. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. Фото С. А. Борисенко

мастера и в известной степени усложняло его работу.

Вес и покрой панцирного «халата» свидетельствуют о том, что его владелец мог облачиться в доспех самостоятельно без помощи оруженосца. Осевой разрез стягивался на груди с помощью шести пар кожаных ремешков, зацепленных специальными металлическими фиксаторами на пластинах или вшитых в органическую основу панциря. Брешь осевого разреза с внутренней стороны перекрывалась железными лопастями пластин с правой полы доспеха (ил. 3).

ряд пластин с латунными А-образными накладками, а последним — верхний ряд с посеребренными А-образными накладками). При этом на нагрудной части и набедренниках набор пластин проводился от центра к краям (то есть последними приклепывались пластины, расположенные вдоль осевого и крестцового разреза), а на наспинной части кюяка, наоборот, от краев к центру (последними крепились «хребтовые» пластины). Особое внимание уделялось симметричному расположению А-образных накладок на лицевой стороне кюяка. Это требовало определенной сноровки

Для повышения эластичности кюяка некоторые его части не имели подбоя из металлических пластин. Так, не покрыты пластинами швы, проходящие по стыку нагрудной и наспинной части подола, плечевые ляжки, а также подмышечная часть, расположенная под рукавными проймами (ил. 1.2, 2.2). В последнем случае небронированные сегменты прикрыты пластинчатыми «подмышечниками» луновидной формы, подвешенными к панцирю с помощью специальных кожаных ремешков. Подвижные шарнирные «погончики» защищали плечи воина от рубящего удара, но при этом не стесняли движений всадника. Возможно, что к «погончикам» крепились пластинчато-нашивные наплечники (ил. 3; 4) или нарукавники. В противном случае, предплечье воина могли защищать рукава поддетой под кюяк кольчужной рубашки или стеганого на вате панциря.

В целом, несмотря на кажущуюся простоту покроя, панцирь из МАЭС ТГУ имеет достаточно сложную, детально продуманную конструкцию. Его элементы весьма точно выполнены и тщательно подогнаны друг к другу.

Отметим также, что рассматриваемый доспех был не только надежен, но и красиво оформлен. Декоративный эффект создавали отливавшие серебром вырезные заклепки-накладки, расположенные ровными рядами поверх ярко-желтой поверхности органического покрытия. Нижний ряд заклепок-накладок был выполнен из латуни, которая под солнечными лучами блестела и переливалась подобно золоту. В «гнезда» посеребренных плакеток «хребтовых» пластин были вставлены кабошоны красного коралла, зеленой бирюзы и синего лазурита.

Комплексный анализ вещественных, изобразительных и письменных источников позволил отнести пластинчато-нашивной доспех из собрания МАЭС ТГУ к центральноазиатскому комплексу защитного вооружения позднего Средневековья и раннего Нового времени. Кюяк был изготовлен ойратскими, южносибирскими или монгольскими мастерами по заказу состоятельного центральноазиатского воина-буддиста в последней четверти XVI – середине 50-х гг. XVIII в. Нижняя граница изготовления доспеха локализуется временем появления пластин рассматриваемой конструкции и системы оформления, а также началом широкого распространения буддизма среди монгольской знати. В том случае, если заказчиком кюяка выступил ойратский феодал (что представляется наиболее вероятным), то нижней временной

границей производства доспеха следует признать 10-е гг. XVII в. Позднейшей возможной датой изготовления панциря является первая половина — середина 50-х г. XVIII в. Именно в этот период Джунгария подверглась масштабному разгрому со стороны цинских, кокандских и казахских войск, при этом основные оружейные производственные центры «Последней Кочевой империи» были разрушены.

Наличие характерных повреждений, следов ремонта, а также пятна крови на поверхности органического покрытия позволяют предположить, что панцирь эксплуатировался на протяжении продолжительного времени и применялся в ходе боевых действий.

Учитывая тот факт, что доспех из МАЭС ТГУ является непосредственным результатом развития и прямым «наследником» пластинчато-нашивных панцирей Центральной Азии и Южной Сибири предшествующих исторических периодов, он может использоваться в качестве эталона при реконструкции азиатских куяков XIII—XVIII вв., не сохранивших органическую основу. Так, в частности, он позволяет с высокой степенью достоверности определить местоположение различных типов пластин в составе панциря, а в некоторых случаях и восстановить возможный покррой доспеха.

¹ Исследование проведено в рамках реализации Государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в сфере научной деятельности (проект № FSUS-2020-0021).

² Бобров Л. А., Худяков Ю. С. Вооружение и тактика кочевников Центральной Азии и Южной Сибири в эпоху позднего Средневековья и Нового времени (XV — первая половина XVIII вв.). СПб.: Фак. филологии и искусств СПбГУ, 2008. С. 552—604; Бобров Л. А., Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Взаимодействие тюркских и монгольских народов с русскими в Сибири в военном деле в позднее Средневековье и Новое время: учеб. пособие. Новосибирск: НГУ, 2010. С. 152—206.

³ Bobrov L. A., Kushkumbayev A. K., Salnikov A. V. Oirat Helmet of the XVII — mid-XVIII centuries from the Akmola Regional History Museum [Ойратский шлем XVII — середины XVIII вв. из Акмолинского областного историко-краеведческого музея] // Былые годы. 2018. Т. 48. № 2. С. 443—455.

⁴ Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Позднесредневековый панцирь-«халат» воина-буддиста (Из истории «оружейного» собрания МАЭС ТГУ) // Материалы и исследования Древней, Средневековой и Новой истории Северной и Центральной Азии. Томск: Том. гос. ун-т, 2010. Т. III. Вып. 1. С. 7—64.

⁵ Для обозначения доспехов рассматриваемой конструкции в западной англоязычной научной литературе обычно используется термин *brigandine*,

а в отечественной — «куяк». Отличительной особенностью эталонных образцов подобных доспехов является конструкция защитного покрытия, при которой панцирные пластины крепятся к плотной органической (как правило, многослойной) основе с внутренней стороны. В русском языке XVII — первой половины XVIII в. термин «куяк» имел два основных значения. В широком смысле под ним понимали любой пластинчатый панцирь (за исключением кольчато-пластинчатых, а также зеркальных доспехов, составленных из больших округлых, трапециевидных и вырезных пластин, соединенных кожаными ремнями). В узком смысле под куюком понимали пластинчато-нашивной доспех с внутренним бронированием, то есть аналог европейской *бригандины*. В настоящей работе термины пластинчато-нашивной (пластинчато-клепаный) доспех/панцирь и «куяк» используются как синонимы.

⁶ Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. 228 с.

⁷ Там же С. 126, 127.

⁸ По мнению доктора технических наук В. А. Голованевского, высокое содержание кислорода в сплаве железа обусловлено: «...либо нахождением его в составе оксидов железа (т. е. ржавчины), либо недостаточной степенью раскисленности стали в процессе ее выплавки». См. Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 133–144.

⁹ Там же. С. 60, 63, 132.

¹⁰ Работы по изготовлению предметной научно-исторической реконструкции были выполнены в лаборатории гуманитарных исследований Новосибирского Государственного университета в 2019–2020 гг. Авторы реконструкции: Л. А. Бобров, Ю. А. Филиппович. Мастер Ю. А. Филиппович. При выполнении реконструкции были соблюдены основные параметры доспеха (размеры, вес и т. д.), а также использованы аутентичные материалы (низкоуглеродистая сталь, кожа, медный сплав, кораллы, бирюза, лазурит и др.). Подробнее см.: Бобров Л. А., Ожередов Ю. И. Доспех воина Джамсарана. Центральноазиатский панцирь-«куяк» из собрания МАЭС ТГУ. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2021. С. 161–171.

¹¹ Там же. С. 171, рис. 76, 3, 4.